

Поверженный герой (Самсон, Израиль)

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Поверженный герой (Самсон, Израиль)

Елена Арсеньева

Преступления страсти. Коварство

«– Прокляты мы Богом, не иначе, прокляты... Пришли с моря в Ханаан филистимляне и заняли прибрежную долину на юге. Сначала только в Азоте, Екроне, Аскалоне, Газе и Гате правили филистимлянские цари, но, видно, Бог решил, что мало испытаний пало на наши головы. Немного времени минуло, но пришельцам уже тесно на побережье, они продвинулись на земли племен Иуды и Дана. Трудно устоять нашим мирным пастухам против закованных в железо воинов. И вот уже сорок лет мы терпим чужеземное иго!..»

Елена Арсеньева

Поверженный герой

(Самсон, Израиль)

– Прокляты мы Богом, не иначе, прокляты... Пришли с моря в Ханаан филистимляне и заняли прибрежную долину на юге. Сначала только в Азоте, Екроне, Аскалоне, Газе и Гате правили филистимлянские цари, но, видно, Бог решил, что мало испытаний пало на наши головы. Немного времени минуло, но пришельцам уже тесно на побережье, они продвинулись на земли племен Иуды и Дана. Трудно устоять нашим мирным пастухам против закованных в железо воинов. И вот уже сорок лет мы терпим чужеземное иго!

– Да, такова воля Господа... ибо сыны Израилевы продолжали делать злое пред очами его, вот и предал он нас в руки филистимлян на сорок лет. Но суров Бог, да и милосерд. Может быть, скоро, скоро настанет час спасения нашего!

Эти люди, что привычно сетовали на судьбу и надеялись на избавление от филистимлянского гнета, и не ведали, что Господь, который и в самом деле был суров, но милосерд, уже положил начало делу спасения народа Израилева, ибо нынче ночью в городке Цоре зачала жена одного человека...

Звали его Маной, происходил он из рода Дана и давно уже потерял надежду иметь сына, ибо взял в жены неплодную женщину (имя ее затерялось где-то во тьме веков). Из года в год с неустанным усердием Маной обрабатывал, взрыхливал и поливал семенем своим сей виноградник, да толку с того не было никакого. И вдруг однажды явился перед ним и его женой какой-то странный человек.

Впервые пришел он, когда Маной был в поле, а жена оставалась в той жалкой хижине, которую Бог определил им в удел. Встал незнакомец против света – так, что жена Маноя не могла разглядеть его лица, и только пыль клубилась в солнечных лучах вокруг его головы, словно золотистый нимб. И такой же светящийся ореол окружал всю его высокую фигуру.

– Кто ты, добрый человек? – спросила жена Маноя. – Лица твоего не видно мне.

– Смотреть на лицо мое не нужно тебе, – раздался голос, какого жена Маноя раньше не слышала ни разу. Она даже и не подозревала, что у человека может быть такой звучный, необыкновенный голос, внушающий разом и доверие, и страх. – Я пришел сказать тебе: была ты неплодна, но все же зачнешь и родишь сына в положенный срок. От самого чрева младенец сей будет назарей Божий, и он начнет спасать Израиль от филистимлян. Но только берегись – не пей вина и сикера и не ешь ничего нечистого. Да когда родишь сына, смотри, чтобы бритва никогда не касалась головы его.

Кровь так и бросилась в лицо жене Маноя. Однако не пророчество о рождении героя поразило ее, а слова о вине и сикере. Откуда этот человек знает, что она не прочь приложиться к кружечке? А впрочем, разве трудно угадать... Все соседи пьянствуют, чуть выпадет свободная минута, а иной раз и не дожидаясь ее. За то и наказует Господь сыновей и дочерей Израилевых: за винопитие да

грехи неумеренные. Вот и наслал на них филистимлян, словно опустил на их спины бич свой, и никак от кары Господней не избавиться, да и от чужеземцев тоже.

Стоп-стоп... До женщины только сейчас дошли слова незнакомца о каком-то сыне... о сыне, который у нее родится... чтобы бороться с филистимлянами... Она даже зажмурилась, потрясенная, а когда открыла глаза, никого рядом не было, и даже золотистая пыль не реяла в воздухе, а плотно лежала на земле.

Жена Маноя вышла из хижины и посмотрела на землю. Никаких следов! Был здесь кто-то или нет?

Она еле дождалась возвращения мужа и, задыхаясь от волнения, все рассказала ему. Маной усмехнулся недоверчиво, а когда обиженная жена отошла от него, украдкой помолился Богу и попросил:

– Господи! Пусть придет опять к нам человек, которого посылал ты, и научит нас, что нам делать.

Бог внял просьбе Маноя, и на другой же день опять возник перед его женой незнакомец, окруженный золотистым ореолом, и повторил все, что говорил в прошлый раз. Но Маноя снова не оказалось дома. Тогда жена его умолила гостя подождать и кинулась в поля. И позвала своего мужа, и наконец Маной, который всю дорогу бежал со всех ног, отер со лба пот и недоуменно уставился на незнакомца.

Вроде бы человек как человек. Волосы перехвачены ремешком, пыльный серый хитон, на ногах веревочные сандалии. И в то же время было в нем что-то странное. Такое странное, что Маноя оторопь взяла и язык его к гортани прилип. И все же он набрался сил и спросил:

– Ты ли тот человек, который говорил с сею женщиною?

– Я, – кивнул незнакомец, и солнечные лучи заиграли вокруг его головы.

– Ты сказал, жена моя неплодная зачнет и родит, – недоверчиво пробормотал Маной. – И хоть, прости, не слишком я верю в такое, но... если исполнится слово

твое, как нам поступать с младенцем сим и что делать с ним?

– Пусть он остерегается всего, о чем я сказал жене твоей, – ответил незнакомец. – А она пусть не пьет вина и сикера, не ест ничего нечистого и соблюдает все, что я приказал ей.

У Маноя от радости слегка помутилось в голове, ибо ничего на свете он так не желал, как иметь сына. Он хотел отблагодарить незнакомца за чудесное пророчество. На все готов был для него и воскликнул радостно:

– Окажи нам честь и будь нашим гостем. Позволь удержать тебя, пока мы изготовим для тебя козленка.

Однако незнакомец только головой покачал:

– Хотя бы ты и удержал меня, но я не буду есть хлеба твоего, если же хочешь совершить всесожжение Господу, то вознеси его.

Маной удивился. Может быть, сей человек – служитель Бога? Жрец-священник? Да, говорят, они умеют провидеть будущее, эти жрецы. И он спросил почтительно:

– Как твое имя? Открой нам его, чтобы нам прославить тебя, когда исполнится слово твое.

Незнакомец снова покачал головой, и снова солнце закачалось в глазах Маноя.

– Не спрашивай об имени моем. Оно чудно и непостижимо. Лучше делай то, что я сказал тебе.

Заробевший Маной принес козленка и заколол его на камне, а потом возжег костер для всесожжения и хлебного приношения. И тут случилось чудо, о котором долго еще рассказывали в Цоре и его окрестностях, так что рассказы дошли и до наших дней: когда пламень стал подниматься от жертвенника к небу, незнакомец вдруг оказался в этом пламени!

Увидев сие, Маной и жена его рухнули ниц и долго оставались недвижимы, а когда подняли головы, незнакомца уже не было видно, да и пламень жертвенника погас. Маной испугался так, как не пугался никогда в жизни, и пробормотал:

– Верно, мы умрем, ибо видели ангела Божия.

Но жена его поразмыслила и сказала рассудительно:

– Если бы Господь хотел умертвить нас, то не принял бы от рук наших всесожжения и хлебного приношения, и не показал бы нам всего того, что мы видели, и не открыл бы нам всего того, что мы теперь знаем.

Маной удивился столь разумным словам своей прежде легкомысленной жены и даже не нашел, что сказать в ответ. Он молча взял ее за руку и повлек на ложе – исполнять предначертание Господне. Истово трудился он на ниве сей, и как же это было сладостно – знать наверняка, что сбудутся наконец многолетние чаяния, что он зачинает сына!

Однако Маной не знал, что долгожданный сын его, герой народный и богатырь, сделается однажды жертвой такого черного предательства, что оно будет занесено на скрижали истории всех времен и народов, ибо любящего предаст любящая...

* * *

Наверное, все-таки старательно соблюдала жена Маноя предначертания ангела Божия, не уподоблялась более своим многогрешным соплеменникам, поскольку в положенный срок родился-таки у нее крепенький мальчишка, который рос, как и положено богатырям, не по дням, а по часам. Его называли Самсоном, потому что это имя означало «солнечный» или «служитель солнца» – жена Маноя не могла забыть незнакомца, вокруг которого солнце сияло и плавилось в сонме играющих пылинок.

Конечно, Маной и его жена не болтали кому попало о пророчестве, однако все же раз или два распустили языки, и слухи о будущем подвиге Самсона распространялись между людьми, и все смотрели на него с надеждой,

уверенные, что начал Дух Господень действовать в нем в стане Дановом, между Цорою и Естаолом.

Родители выполняли все, что заповедал небесный гость. Впрочем, ничего удивительного или непривычного здесь не было, ибо именно в том и состояла суть старинного обряда назарейства: не пить вина, не есть винограда «от зерен до кожицы», не стричь волосы и не оскверняться прикосновением к мертвому. Подлинными назирами (или назарейями) могли стать только те, кто соблюдал этот обряд в Земле Израиля. Жестокий закон, конечно... Вот, например, греческая царица Елена обязалась блюсти обет назарейства семь лет, если ее сын вернется с войны невредимым. Сын вернулся, царица исполнила клятву и через семь лет прибыла в Иерусалим, чтобы принести священную жертву. И тут узнала, что ей придется блюсти обет еще семь лет: предыдущие, проведенные вне пределов Святой Земли, «не считаются»!

Кроме назарейства, которое соблюдалось определенный срок, существовало также пожизненное. В таком случае назирь имел право стричь волосы раз в год. Однако был еще один вид назарейства, когда человеку вообще запрещалось стричь волосы в течение всей жизни. Вот таким назиром и стал Самсон.

Он рос себе и рос: крепкий, сильный, золотоволосый... и ужасно скандальный. Будущему мессии прощалось все, чего не простили бы обыкновенному человеку: задиристость (разумеется, в Цоре не было таких самоубийц, которые решились бы вступить в кулачный поединок или побороться с самым сильным человеком в мире!), грубость, безудержная хвастливость своей силой и даже непомерное сластолюбие. Причем вот что было удивительно: заранее зная о своей судьбе – спасти народ Израиля от филистимлян, – Самсон должен был бы остерегаться общения с этим племенем. Ну и в самом деле он до поры до времени держался в стороне от мужчин, однако женщины филистимские влекли его безумно. На своих соплеменниц он поглядывал со скукою и ни около одной подолгу не задерживался, предпочитая блудниц, у которых нет заботливых папаш, могущих, невзирая на пиетет, который должно испытывать к будущему герою, скрутить его с помощью друзей и родственников и потащить к алтарю.

Но вот однажды, оказавшись на ярмарке в городке Фимнаф, он увидел девушку по имени Сула, которой пожелал обладать. Но она была дочь весьма сурового семейства, такую не выманишь ночью на свидание, такую не лапнешь грубо среди базарной толчеи, такая даже поцелуя не даст прежде, чем священник не пробормочет слова венчального обряда. Самсон спешно ринулся из Фимнафа в

Цору и рассказал отцу своему Маною и матери о том, что желает жениться на филистимлянке.

Родители его, надо заметить, давно махнули рукой на причуды сына и поняли, что лучше их исполнять, чем пытаться воззвать к его разуму. Конечно, Самсон никогда не поднимет руку на родителей, однако в гневе вполне способен разрушить все вокруг. Ведь даже он сам не ведал пределов своей силы. Поэтому – делать нечего! – родители принарядились и отправились в Фимнаф сватать Самсону филистимлянку, робко уповая на то, что отец невесты откажет. По пути, для очистки совести, Маной пытался ворчать:

– Разве нет женщин между дочерьми братьев твоих и во всем народе моем, что ты идешь взять жену у филистимлян необрезанных?!

Но Самсон знай твердил свое:

– Ее возьми мне, потому что она мне понравилась.

В это время ангел небесный, покровитель Самсона, наблюдал за ним из высей горних и одобрительно кивал, потому что брак сей был первым актом трагедии, замысленной и поставленной Богом Израиля. Трагедии уничтожения филистимлян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/elena-arseneva/poverzhenny-geroy-samson-izrail>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)